

Алексей Чипига

*Кто-то небо
приводит в окно*

Стихи

Алексей Чипига
Кто-то небо приводит
в окно. Стихи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23303918
ISBN 9785448380297*

Аннотация

Алексей Чипига родился и живёт в г. Таганроге. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор книг стихов «Между солнцем и снегом» и «С видом на утро». Стихи и эссе публиковались в интернет-изданиях «Полутона», «Литература», в журналах «Воздух», «Гвидеон», «Дон», в альманахах «Артбухта», «Новая волна».

Содержание

«Льёт дождь, но помнится одна...»	6
«Помнишь...»	7
«Зарапортовался простудился...»	8
«Кажется, если б мы были чуть-чуть посерьёзней...»	9
«Блики фар наводнением проносятся по забору...»	11
«Ваши слова...»	12
«Ровно столько сколько можешь ты взять а именно: всё...»	13
«О, какое густое предсудорожное наступает...»	14
«Глухая ткань ночного разговора...»	15
«Бездна без дна и звезда без да...»	16
«Забуть очки в ночном дворе...»	17
«Какая музыка, такие и дела...»	18
«Будто бы знаешь, о чём эти женщины и мужчины...»	19
«Приступ пленительного бессилия...»	20
«Спасибо, шалость удалась, как говорят злодеи...»	21
«Пересидеть снегопад в кинотеатре...»	22
«Ранний вишнёвый горячий...»	23
«Зимние дымы и трубы-сосуды...»	24

«В грозоздких светофорах свет затих...»	25
«И голос как укол...»	26
«Помнишь, ты объяснялся со свидетелем Иеговы...»	27
«Время...»	28
«Пасмурный день воскресный...»	29
«Проходя мимо бедных и дерзких отрывков...»	30
«Свежесть...»	31
«Мокрые милые ветки...»	32
«Не понимаешь, что для чего грозит...»	33
«Жук земли затвердел под ногами. Изжёлто- зелёный...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Кто-то небо
приводит в окно
Стихи**

Алексей Чипига

© Алексей Чипига, 2017

ISBN 978-5-4483-8029-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Льёт дождь, но помнится одна...»

Льёт дождь, но помнится одна
Картинка: на зелёных склонах
Смешная шерсть и имена
Погонщиков тоски весёлой.

О, лама милая, прости
И ты прости, услада ночи
За то, что вас благодарю,
А кто-то в сумраке хохочет.

«Помнишь...»

Помнишь

Корова губы в сквозняк опустила

Было щекотно и нежно

Нищий протягивал бересту афиши

Был ветер

Я бы хотел чтобы школьники

Изучали это событие на уроках истории

Оно учит быть растерянным без стыда

А как известно история повторяется

Где-то рядом

«Зарапортовался простудился...»

Зарапортовался простудился
Вряд ли смог концам-началам внять
Просто долго было оступился
И не оступился смел не ждать

Помнишь во дворе был синий мальчик
Ты почти влюблён в него пьеро
Называл и образ детства нянчил
Нянчил образ света одного

Ну про что это так искренно и ясно
Что есть страх с названьем «вот он я»
Безусловно речь твоя напрасна
Как прекрасна голая земля

«Кажется, если б мы были чуть-чуть посерьёзней...»

Кажется, если б мы были чуть-чуть посерьёзней,
Мы бы не писали музыку и стихи,
Не вели дневников,
Не поддерживали беседу
И, конечно же, не объяснялись в любви,
Если б вообще объяснялись.

Ведь известно, что выражать себя это риск.
Идти навстречу это проигрышная лотерея.
Кто одарён красотой, меньше всего её оценит
Ну и так далее
Вплоть до книжных разбойников и чародеев.
На что они неспособны, так пожать твою руку,
Быть отрывочными незаконченными смешными,
Забывать имена на великом базаре
Одиночеств, пить сумрак последней встречи.

Мы вместо них должны тянуть эту лямку.
Стесняться желанием,
Понимая, что это нормально,
Беседовать с эхом чужого голоса,
Который казался твоим,
А теперь он подарен квартире, друзьям, молитвам.

И мы знаем, конечно, что надо быть настороже,
Но – удивительный дар – в солнечный день или
в лунную ночь

возвращается наша беспечность

И мы совершаем поступки, раним других, говорим,

Опустошаем себя, становимся вновь никем

В надежде наполниться новым.

Киты на остановке трамвая.

Солдаты под куполом цирка.

Поцелуи на дне океана.

«Блики фар наводнением проносятся по забору...»

Блики фар наводнением проносятся по забору.
Я люблю стародавнее слово «автомобиль».
Образ: молодость мотыльку проиграла в злом споре.
Больше чуткости оказалось у тех, кто забыл.

Ну и ладно. Мы тоже забудем, убудем, прощая.
Будем спрашивать: это ли жалость, вас можно спросить?
Таким тоном, как будто спросили, сгорая
Безнадежную реку бесед и тревог переплыть.

«Ваши слова...»

Ваши слова:

«какая прелесть», «благодарю»

Может быть, в них я только мучим светло

И в фотографиях ваших, конечно

Где вы смотрите на дирижабли в джинсовой куртке,
плечо

На котором хочется отдохнуть

Может быть, здесь ничего серьёзного нет

Можно ль в это поверить

Я не знаю какая вы

Я знаю какая вы

Тайна

«Ровно столько сколько можешь ты взять а именно: всё...»

Ровно столько сколько можешь ты взять а именно: всё
Пляска вечерних огней в беззастенчивой влаге

Ровно столько сколько можешь ты унести а именно:
ничего
Прикосновение опыта каждый раз
К белой ране бумаги

«О, какое густое предсудорожное наступает...»

О, какое густое предсудорожное наступает.
Жалость к шарфам и лицам, сающаяся на плечо.
Музыкант в каждом вздохе, не выдержав тайны, стораёт.
Выдержав тайну, закатный луч шелестит: ещё.

На, используй на милом суде против нас нашу ложь
безразличья.
Правда – в точности, в том, как ясна подоплёка небес.
Молчаливые существа городам предъявляют увечья.
Говори, что ты умер, чтоб ты и взаправду воскрес.

«Глухая ткань ночного разговора...»

Глухая ткань ночного разговора
Уведена за край собачьих просьб.
Покоя не даёт покой тот уязвлённый,
Которым сны пронизаны насквозь.

Он видит там божественную спину.
Там удаляется какой-то человек.
А утром – можно ящик передвину.
Спина, спина... не то, а первый снег.

Снег экзотичный в южном измерении,
Хотя есть слух, что было так бело.
Когда не знали о глобальном потеплении
И с именем твоим злой памяти везло.

Но удаляется великолепный опыт
Распознавания затылка и спины.
А снег, он, видимо, пойдёт в субботу
Перед войной, опять после войны.

«Бездна без дна и звезда без да...»

Бездна без дна и звезда без да.
Бездарь, не угадай.
Ты отправляешься в зиму, Кай,
Зимние петть провода.

То есть тростиночку меж небес
И голубиным жильём
То есть... – а как тебе нежный лес
Для путешествия в «переживём»?

Да, ведь аскеза нежна, нежна,
Словно бы ночь, где свет.
Бездна без да и звезда без дна
И долгое здравствуй без нет.

«Забудь очки в ночном дворе...»

Забудь очки в ночном дворе,
Которые не носишь кстати.
Забудь лицо своё в окне.
Пустую позу на кровати.

Прохладней пламени теней
Уже к душе плывёт отчизна —
Ненасытимость отрече...
И далее «во имя жизни».

«Какая музыка, такие и дела...»

Какая музыка, такие и дела.
Тень облака незлого за больницей
На города прошедшие легла.
Нью-Йорк, Флоренция... опять немного смысла.

Гусиный срам гармошки и весны
Закадровой. Печален слух афиши.
Страдают под твою сурдинку крыши,
Бессонная гармония воды.

«Будто бы знаешь, о чём эти женщины и мужчины...»

Будто бы знаешь, о чём эти женщины и мужчины,
А на деле знаешь: огонь, поцелуй, вода,
Милые произносимости, полуруины,
Города, чтобы в них говорить: я люблю вас, звезда.

А на деле сгущается музыка поднебесья.
Если посыпет снег, оклихни меня в домофон.
Я приду на порог и ты одаришь меня вестью:
Белые мхи, дирижабль, аэроплан, телефон.

«Приступ пленительного бессилия...»

Приступ пленительного бессилия
Где гордость остановилась

Песочные часы у замёрзшего моря

Время
Однажды сказавшее
«я приду»

«Спасибо, шалость удалась, как говорят злодеи...»

Спасибо, шалость удалась, как говорят злодеи,
Которые всё знают наперёд.
Сегодня день твоей красивой шеи
И глаз моих, смотрящих на неё.

Сегодня день коварного вопроса:
А что такое плоть, поверившая в нас,
Что можем мы принять любую позу,
Спасительную только лишь сейчас?

«Пересидеть снегопад в кинотеатре...»

Пересидеть снегопад в кинотеатре
Выйдя оттуда подумать
После Нового года погода кажется
Чересчур серьёзной

Да разве он новый
Машины едут как прежде покою сдаваться
Тем не менее сумерки наступают
Значит был он всё-таки новым

«Ранний вишнёвый горячий...»

Ранний вишнёвый горячий
Стал другом дыма
Волнистого старца
И вслед за ним улетел
Долгим покоем восторженным
А слышно
Пакуем
Не чемоданы а мел
Не чемоданы
А снежный таинственный мел

«Зимние дымы и трубы-сосуды...»

Зимние дымы и трубы-сосуды.

Зимние птицы и зимние губы.

Что-то в богатстве есть от зимы.

В бедности есть тишина от весны.

Тёмная колкость и мука звезды.

Спешная ломкая сладость воды.

Или какая-то свежесть над бездной...

– Вынести б то, что и ты бесполезна.

«В громоздких светофорах свет затих...»

В громоздких светофорах свет затих.
Мелодия тумана оборвалась.
Ты, он и я, и целомудренный старик —
Зачем мы здесь, где детство улыбалось.

К чему мы здесь, бесслезный капитан,
Что радуется предрассветным крышам?
На кухне целомудренный стакан,
Ты нужен другом жажды нашей, слышу.

«И голос как укол...»

И голос как укол
Уже неизлечим
Он больше тела он
Прирос к чертам твоим

Кому-то он свисток
Но для меня поверь
Оживший лепесток
В безумную метель

Пустынная свеча
Молящая о дне
Дупло из-за плеча
Где филин спит о мне

И говоришь ты нет
Но это будто да
Как будто бы в огне
Незримая вода

«Помнишь, ты объяснялся со свидетелем Иеговы...»

Помнишь, ты объяснялся со свидетелем Иеговы

О том, что земля во власти известно кого.

В конце этого то ли разглядыванья, то ли спора

Он промолвил: «в конце концов, вы на верном пути»,
оставив со мной моё зло.

О, земля, я смотрю на тебя, ты действительно

в сверхъестественной власти

Зимы и весны, лета и осени, снова зимы.

О, двенадцать месяцев, убеждён, вы где-то дружите
словно в сказке,

Ну а мы, то есть люди, не дружим и говорим «замри».

«Время...»

Время

Когда в лужах появляется головокружение

Когда кошка через ветреную дорогу

Осыпана дарами

Сиренево жёлтого фонаря

Не подозревает об этом

И каждый втайне хотел бы заявить

Что отлично умеет петь

На своём чердаке

А получают только звёзды

Книга счастья ограниченным тиражом

Без поправок

«Пасмурный день воскресный...»

Пасмурный день воскресный
Но вдруг легко
Холмик вишнёвого снега над бездной
Таянье молоко

Ловишь себя на деревьях утлых
На том что не понимаешь как из груди
Просится бедные утра бедные утра
Бедные утра мои

«Проходя мимо бедных и дерзких отрывков...»

Проходя мимо бедных и дерзких отрывков,
Тёмных заводов со светлеющим оком,
Мимо клеток новёхоньких птичьих на злую продажу,
Где царственно место пустоет,
Вдруг придёт на ум, что в отличие от этой отзывчивой
смеси

Лежащая на пути парикмахерская —
Упорядоченная Флоренция
И в ней сады композиторов,
Уловляющих новые течения
Людских волос
В сети сверкающей стали.
Реплику слышишь: они будут целомудренно падать
На лоб и на плечи.
Как хорошо.
Целомудренно падать. Мы.

«Свежесть...»

Свежесть
Похожая на пьеро
Отпевающая несчастья земли

Скорая помощь в соседнем дворе
Крест спасительный
Школьник пустых уроков

Ты приучи себя
К усталости простыни
Ведь она нет-нет а вздохнёт
Облаками текущими сквозь
Города нескончаемых вздохов

«Мокрые милые ветки...»

Мокрые милые ветки
Если долго подумать
Никто нам не нужен

Просто в надежде добраться до неба
Ешь землю забытого сна
Когда из глухих дворов
Свадьба или зовут на ужин
Или листва облетела
И слышится пей дотемна
Пей обязательно
Дотемна

«Не понимаешь, что для чего грозит...»

Не понимаешь, что для чего грозит,
Что от чего раздето.
Слёзы оттого что есть внешний вид,
Которым пользуешься. Монета

Кажется, есть на глубине у тебя,
У твоего желанного водоёма.
Это кто-то желание загадал: вернуться туда, где ты, как
моря,
Омываешь кончики пальцев другой души.
Так как своя не дома.

«Жук земли затвердел под ногами. Изжёлто-зелёный...»

Жук земли затвердел под ногами. Изжёлто-зелёный
и серый
Завладели прилежнейшей дымкой над вылитой тихим
блаженством

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.